

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**

Дарья Калинина

Свет
в конце
Бродвея

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии *Д. Сазонова*

В оформлении обложки использована работа
художника *В. Остапенко*

Калинина, Дарья Александровна.
К17 Свет в конце Бродвея / Дарья Калинина. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Смешные
детективы).

ISBN 978-5-04-098476-3

В поместье «Дубочки», куда Инга приехала погостить к лучшей подруге Алене и ее мужу Василию, обстановка явно не способствовала спокойному отдыху. По утверждению подруги, здесь вот-вот должно было случиться что-то страшное, а сама она не далее как сегодня едва избежала смерти — на нее напало неизвестное науке чудовище, которое... никто, кроме самой Алены, не видел! Обратиться за помощью Инге, решившей разобраться в происходящем, не к кому: ее давний поклонник, начальник охраны Василия Ваня, нашел новую пассию, молоденькую Нюшу, и полностью был поглощен своей личной жизнью. Потом люди вокруг начали погибать один за другим... Теперь Инге точно гарантирован привычный отдых — рискованные приключения!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д.А., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-098476-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

Жизнь за городом всегда отличается некоторой неспешностью и плавностью. Все, что происходит здесь вокруг вас, происходит в каком-то замедленном ритме. И в отличие от городской жизни эта неторопливость никого не раздражает. Все словно бы понимают, только так и надо тут жить. Условия за городом другие, и сама жизнь тоже другая. Да и само время течет по-иному. Вроде бы никуда особо не спешишь, но при этом всегда и всюду успеваешь.

И вот что интересно: чем дальше находится этот самый «загород» от крупного мегаполиса, тем сильнее замедляется время в нем.

Именно об этом думала Инга, высунув голову в окно и наслаждаясь окружающим ее видом. Поместье Дубочки, где она находилась в гостях у своей подруги Алены и ее мужа, располагалось в таком захолустье, что иначе как медвежьим углом его и назвать было нельзя. Кстати говоря, по утверждению местных жителей, медведи в округе и впрямь водились. Да и сам Василий Петрович — супруг Алены — неоднократно приглашал на медвежью охоту своих приятелей, и всегда они возвращались из леса с добычей.

Но сейчас было лето, никаких медведей не наблюдалось. Во всяком случае, поблизости от усадьбы точно. А был лишь чудный вид на тщательно ухоженную лужайку перед домом, фонтан в виде пары пионеров — мальчика с горном и девочки в трогательном платице и косынке. Это был привет из советского прошлого, ностальгия по которому и заставила Василия Петровича спасти эту скульптуру от уничтожения, выкупив в каком-то парке культуры и превратив ее затем в форму для декоративного элемента фонтана.

И наблюдая великолепный заход солнца, который успел окрасить алым цветом весь горизонт, Инга невольно восхитилась тишиной и покоем, окружающими ее. Она приехала сегодня после полудня. Ее уже ждал накрытый стол, который буквально ломился от обилия домашних вкусов. После трапезы Инга внезапно почувствовала тяжесть в веках.

— Пойди полежи, — предложила ей заботливая Алена. — Похоже, тебе это просто необходимо.

Инга хотела всего лишь немного вздремнуть, но она проспала весь остаток дня до самого вечера.

Облака на фоне алого заката казались ей совсем серебряными, а там, где на них падали лучи заходящего солнца, они становились цвета свежей лососины.

— Никогда не видела такого яркого заката.

Инга вздрогнула и обернулась. Так и есть, в дверях комнаты стояла драгоценная Аленка, самая верная и преданная ее подруга.

— Как спалось с дороги? — поинтересовалась Алена, подходя ближе и становясь рядом с Ингой, и, не дожидаясь ее ответа, добавила: — Красиво, верно?

— Да, очень красиво! — искренне отозвалась Инга. — Ничто не сравнится с красотой нашей российской природы.

— Вот и я никогда не устаю любоваться закатами. Они здесь совершенно особенные.

Какое-то время женщины молча смотрели на закат. А потом Алена сказала:

— Вообще-то я пришла, чтобы пригласить тебя к ужину.

— Опять будем есть? Знаешь, я как-то еще не успела проголодаться.

— Это тебе только так кажется, — успокоила ее Алена. — На свежем воздухе как все быстро засыпает, так быстро и просыпается, и аппетит в том числе.

И так как Инга все еще мешкала, Алена поторопила ее:

— Пойдем, а то Василий Петрович весь там в жутком нетерпении.

В голосе Алены сквозила нервозность. Она быстро прошла к дверям, поняла, что Инга сомневается, снова вернулась к ней и повторила:

— Пойдем, а то Вася не разрешает нам без тебя начинать ужинать, но в то же время боится, как бы не остыла его замечательная рыба.

— А кому это «нам»?

— Разве я тебе не сказала? К нам приехали гости. Очаровательная супружеская пара, им обоим уже хорошо за семьдесят, но их бодрости можно только позавидовать. Да, и с ними их дети.

— Дети?

— Пошли, сама все увидишь, — нетерпеливо произнесла Алена.

Она снова двинулась к дверям, говоря на ходу:

— А то пока мы тут с тобой прохлаждаемся, бедный Василий Петрович там весь на нервах.

Похоже, на нервах тут кто-то другой. Еще днем Инге показалось, что Алена сама не своя. Пока Инга насыщалась после долгой дороги, подруга поминутно вскакивала из-за стола вроде бы на кухню с указаниями, но так и не добиралась, возвращалась, садилась и снова вскакивала.

Но сейчас было явно неподходящее время для выяснения правды. И Инга всего лишь сказала:

— Ты иди, успокой его. Скажи, я сейчас приду.

Алена убежала. Инга поспешно привела себя в порядок и тоже спустилась вниз. Но, к ее удивлению, она не увидела в столовой ни накрытого стола, ни каких-либо иных приготовлений к ужину. Не говоря уже о том, что и самих хозяев не было видно.

— Вы проходите в сад, пожалуйста, — раздался бойкий девичий голосок. — Они вас там ждут.

Инга взглянула в ту сторону, но никого не разглядела. Тем не менее, пожав плечами, она последовала в указанном ей направлении и вскоре увидела большую компанию, собравшуюся в беседке. Оттуда тянуло ароматным дымком, запахом копченостей и раздавались веселые голоса. Инга поняла: Василий Петрович все же осуществил свою давнишнюю мечту — построил беседку для барбекю.

Впрочем, когда она подошла ближе, то поняла, что сегодня им предстоит наслаждаться не барбекю, а копченой рыбой. В центре стола уже было водружено несколько тарелок, на каждой из которых лежал свой вид рыбы.

Василий Петрович первым заметил подругу своей жены, бредущую к ним через лужайку. Он тут же вскочил на ноги и радостно воскликнул:

— Инга! Ну наконец-то! Дай мне тебя расцеловать скорее!

Инга с удовольствием обняла Василия Петровича, которого искренне любила и которым так же искренне восхищалась. Когда она приехала, его не было дома. И только сейчас старые друзья смогли как следует поприветствовать друг друга.

Василий Петрович был человеком простым, душевным и очень открытым. И еще он был справедливым. Даже если ему приходилось порой в жизни поступать жестко, все равно никто бы не мог назвать его поступок нечестным.

— Садись за стол, пигалица, — велел Василий Петрович покрасневшей от смущения и удовольствия Инге.

Никто не называл ее пигалицей вот уже лет тридцать с гаком. Ровно с тех пор, когда какой-то верзила-старшеклассник обозвал школьницу с двумя огромными белыми бантами и букетом гладиолусов, который был так велик, что первоклашка Инга с трудом держала его в своих руках. Тогда это обидное словечко чуть не испортило Инге все ее самое первое в жизни первое сентября. Она прорыдала всю торжественную линейку и немного успокоилась лишь после того, как ее за руку отвела в школу другая старшеклассница, показавшаяся тогда Инге совсем взрослой девушкой.

Но то прозвище, которое когда-то заставило Ингу горько рыдать, теперь доставило ей несказанное удовольствие. Она — пигалица! Наверное, только Василий Петрович нынче и может сказать такое ей — взрослой и состоявшейся сорокалетней женщине, имеющей совсем взрослого сына.

— Ну, чего задумалась! — вернул Ингу в реальность голос радушного хозяина. — Рыбу специально для тебя закоптил. Знаю, ты к мясу равнодушна. Поэтому первым делом рыбка, а затем мы — мужики — и копченого окорока отведаем. Пока с рыбой управимся, он как раз и подоспеет.

Значит, будет еще и домашняя ветчина. Вот уж поистине широта гостеприимной души Василия Петровича не знала предела.

— Знакомиться-то с нашими друзьями будешь?

Инга поспешно кивнула и по очереди протянула руку сначала высокой темноволосой женщине, чье гладкое лицо было почти лишено морщин, отчего она казалась куда моложе своих лет.

— Мария Петровна.

Инга тоже представилась, а затем протянула ладошку седовласому старцу, обладателю густой, тщательно ухоженной бороды и довольно приличной еще шевелюры. Рядом с ним стояла красивая трость, видимо, помогавшая старцу при ходьбе. Но держался он очень прямо и даже гордо, взгляд у него был умный и с какой-то хитрецей.

— Виктор Андреевич.

— Очень приятно.

— Мне тоже приятно, голубушка, — ласково прогудел Виктор Андреевич. — Алена не преувеличила, вы и впрямь Снежная королева. Холодная красавица, заставляющая мужчин сходить с ума от вашей недоступности.

— Да что вы, — окончательно смутилась Инга. — Я совсем не королева.

— А выглядите просто по-королевски.

— Витюша, хватит девочку смущать, будет тебе, —

смеясь, осадила этого донжуана его жена. — Видишь, она сама не своя от твоих комплиментов.

Кроме пожилой пары и Василия Петровича с Аленой, в беседке находились еще двое молодых людей. Оказалось, что это сыновья Виктора Андреевича и Марии Петровны от их первых браков — Сева и Вова. Мужчинам было на вид лет по сорок или чуть больше. И они оба оказались молчаливыми. На них внешность Инги не произвела никакого впечатления. Они лишь сдержанно кивнули ей и почти сразу же вновь уткнулись в свои тарелки.

А вот Виктор Андреевич был любителем поболтать, еда интересовала его куда меньше, чем застольная беседа.

— Мы с Машенькой знаем друг друга еще с юности. Но смогли воссоединиться и быть вместе лишь в очень зрелом возрасте. Когда мы познакомились с ней, у нас обоих были семьи, маленькие дети. Ответственность перед семьями не позволила нам оставить их. Но теперь Маша вдова, а мы с моей супругой давно перестали понимать друг друга, стали чужими людьми. Поэтому, как только я сумел оформить развод, я сразу же сделал Маше предложение. К чему тянуть время? В нашем возрасте каждый день может стать последним.

— Это в любом возрасте может случиться, — деликатно произнесла Инга.

— Но согласитесь, с пожилыми людьми такое происходит все же куда чаще? — с улыбкой возразил ей Виктор Андреевич.

Инга не нашлась, что ответить. Она впервые видела человека, который бы столь непринужденно шутил на тему собственного конца. Инга подумала,

что Виктор Андреевич человек явно незаурядный, и вскоре имела возможность убедиться в собственной правоте.

— А чем занимается ваш муж? — спросила она у Марии Петровны, которая оказалась ее соседкой по столу.

Виктор Андреевич переключился на хозяина застолья, так что у женщин появилась возможность тихонько посплетничать между собой.

— Виктор занимается научной работой. Он — физик-теоретик.

— Как интересно. А вы?

— Я тоже.

— Вы вместе работаете?

— Работали когда-то. Но теперь я занимаюсь хозяйством, а вот Витюша до сих пор трудится в своем институте. И честно говоря, я этому очень рада. Для Виктора крайне важно, что он до сих пор может приносить пользу людям, может делать свой ежедневный вклад в науку. Мне кажется, если он выйдет на пенсию, то очень быстро угаснет.

Однако вдоволь поговорить им не удалось. Поедание копченой рыбы требовало сосредоточенности и внимания. Костей в ней было предостаточно, правда, благодаря их размерам справиться с ними не составляло особого труда. Это когда рыбешка мелкая, то с косточками приходится повозиться. Но когда рыба длиной с руку взрослого человека, дело совсем другое.

На столе был выставлен целый ассортимент речной рыбы: большой лещ, килограмма на два, три форельки, каждая примерно по килограмму. И на-

конец, было блюдо с рыбным ассорти — окуни, си-бас и судак.

— Ни карасей, ни плотвы я никогда не беру. Вкус у этой рыбы совсем не тот, что нужен.

Василий Петрович, видя, как все уплетают его рыбу за обе щеки, был откровенно доволен удавшимся застольем.

— Я никогда не режу рыбу на части и не чищу чешую, — делился он со всеми секретом приготовления своей рыбы, которая и впрямь была потрясающе вкусной, буквально таяла во рту. — Удаляю лишь жабры и внутренности. Хорошенько солю и оставляю на часок в тепле. Слежу лишь за тем, чтобы мухи к ней не пробрались. Затем убираю ее в холодильник еще на несколько часов. Если утром засолить, то к вечеру рыба уже просолится. Останется только смыть с нее излишки соли и засунуть в коптилку.

— Ни перца, ни пряностей?

— Никогда! Из ароматов только натуральная ольха. Именно из ее опилок получается самый лучший дым.

Коптилка у Василия Петровича была тоже знатная. По его собственному утверждению, там запросто мог поместиться целый поросенок или громадная стерлядь.

— В следующий раз угощу вас собственными осетровыми, — пообещал Василий Петрович. — Развел мальков, теперь жду урожая.

— Некоторые из наших рыбок уже размером с локоть, — добавила Алена.

— Нашла чем хвастаться! — тут же осадил супругу Василий Петрович. — Осетровых меньше метра длиной и рассматривать не стоит! Ерунда, а не рыба.

Одна кожа и панцирь. Даже несмотря на то, что вместо костей у них хрящи, есть там все равно нечего.

Алена замолчала, лукаво поглядывая на подругу и гостей. Она умела пропускать некоторые высказывания Василия Петровича мимо ушей, прекрасно сознавая, насколько глубоко предан ей муж. Ну а если некоторый недостаток воспитания в нем все же и имеется, это с лихвой окупается его честным и открытым сердцем.

Инга и сама не заметила, как справилась с огромным куском, который лежал у нее на тарелке. Теперь перед ней громоздилась лишь куча костей и кусок чешуи, которую она не стала жевать лишь потому, что ей это показалось не совсем приличным. А так она обязательно соскребла бы все остатки со шкурки, потому что в мясе самое вкусное — это косточки. А в копченой рыбе — это ее нежная и жирная кожа, спрятавшаяся под самой чешуей.

— Разрешите, я поменяю вам тарелочку?

Возле Инги прозвучал вновь тот же самый голос, который направил ее в сад. На сей раз Инга сумела рассмотреть говорившую. Это оказалась миловидная девушка, по виду совсем еще ребенок. Удивившись, что видит перед собой незнакомое лицо, Инга машинально протянула девушке свою тарелку.

— Не удивляйся, дорогая, это наша новая помощница — Нюша, — произнесла Алена. — Хорошая девочка, отличница. Поступила в этом году в институт. Представляешь, сама поступила! Без всякого блага и репетиторов.

— Алена Игоревна, но вы же сами оплачивали мне подготовительные курсы. Я на них весь год ездила. Или вы об этом забыли?

Судя по лицу Алены, она об этом действительно забыла и сейчас была сильно смущена. Алена была из породы тех людей, кто жертвует легко и тут же забывает о сделанном ею добром деле, отпуская его в этот мир дальше делать хорошее, доброе, светлое.

Когда Ньюша отошла, Алена наклонилась к Инге и прошептала:

— На самом деле Ньюша — племянница нашего Вани.

Инга, которая как раз в этот момент присматривалась к форельке, от изумления обо всем забыла и уставилась на Алену:

— Да ты что? Ты мне о ней ничего не рассказывала!

Алена еще больше понизила голос и, приблизившись вплотную к Инге, произнесла:

— Ну, то есть он говорит всем, что это его племянница. Но лично у меня есть совсем другие сведения. И мне кажется, она ему совсем не племянница.

— Не племянница? А кто же тогда? Дочь?

— Нет, ну ты совсем уже! — вспыхнула Алена. — Какая дочь? Любовница она его!

— Что?

— Поэтому я тебе ничего и не говорила. Не знала, как ты отнесешься к тому, что у Вани есть столь юная любовница.

— Она его любовница!

Инга не сдержалась и ахнула слишком громко, так что на нее уставились все сидящие за столом. Даже Сева с Вовой оторвали глаза от своих тарелок и взглянули на Ингу с некоторым интересом впервые за все время совместной трапезы. Если не считать краткой процедуры знакомства, то Сева с Вовой во-